European Journal of Interdisciplinary Research and Development
Volume- 52 May- 2026
Website: www.ejird.journalspark.org ISSN (E): 2720-5746

СИСТЕМА КОЛЛИЗИОННЫХ НОРМ В МЕЖДУНАРОДНО-ЧАСТНОПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ, ВЫТЕКАЮЩИХ ИЗ ПРИЧИНЕНИЯ ТРАНСГРАНИЧНОГО ВРЕДА: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Мардонов Фазлиддин Ойбек угли
Ташкентский государственный юридический университет,
12.00.03 – Международное частное право

Аннотация
Настоящая статья посвящена одной из наиболее сложных и актуальных проблем международного частного права — определению права, применимого к обязательствам, вытекающим из причинения трансграничного вреда. Цель исследования — провести сравнительный анализ действующей системы коллизионных норм, выявить имеющиеся правовые пробелы и разработать научно обоснованные предложения по приведению законодательства Республики Узбекистан в соответствие с международными стандартами. В качестве методологии использованы формально-юридический, сравнительно-правовой, системный, исторический и нормативно-правовой методы анализа. Результаты исследования свидетельствуют о том, что национальный коллизионный порядок, основанный на классическом принципе lex loci delicti commissi, не способен эффективно защитить интересы потерпевших в случаях трансграничного экологического, техногенного и цифрового вреда. В частности, в статье 1194 Гражданского кодекса Республики Узбекистан не закреплены такие механизмы, предусмотренные Регламентом Рим II, как принцип «права места наступления вреда» (lex loci damni), доктрина «наиболее тесной связи» и право выбора в пользу потерпевшего при экологическом вреде. Научная новизна состоит в разработке модели совершенствования системы коллизионных норм об обязательствах из причинения трансграничного вреда на основе двухуровневого подхода (жёсткий критерий + гибкое исключение). Практическая значимость: предлагаемые нормативные изменения направлены на гармонизацию национального законодательства с Регламентом Рим II Европейского Союза и Минской конвенцией СНГ, а также на повышение эффективности разрешения споров о трансграничном вреде в Центральноазиатском регионе.

Ключевые слова: трансграничный вред; коллизионная норма; lex loci delicti commissi; lex loci damni; Регламент Рим II; международное частное право; деликтное обязательство; наиболее тесная связь; принцип вездесущности; законодательство Узбекистана.

1. ВВЕДЕНИЕ

В результате углубления процессов глобализации и стремительного технологического прогресса случаи причинения вреда гражданам, окружающей среде или имуществу другого государства в результате деятельности, осуществляемой на территории одного

государства, становятся всё более распространёнными. Споры о таком трансграничном вреде представляют собой одну из наиболее сложных и деликатных проблем международного частного права: при возникновении спора необходимо определить, какой суд компетентен его рассматривать, право какого государства подлежит применению и в каком порядке должно быть удовлетворено требование потерпевшей стороны о возмещении вреда.

Актуальность данной проблемы обусловлена рядом факторов. Во-первых, различия между национальными законодательствами усиливают явление forum shopping — возможность истцов стратегически выбирать выгодную юрисдикцию, что препятствует обеспечению справедливого правосудия. Во-вторых, расширение деятельности транснациональных корпораций и появление новых видов вреда в цифровой среде наглядно демонстрируют недостаточность традиционных территориальных привязок. В-третьих, в Центральноазиатском регионе, где водные ресурсы, промышленное загрязнение и экологический вред в отношениях между соседними государствами порождают частые споры, — что особенно актуально для Республики Узбекистан — эффективные правовые механизмы их урегулирования ещё не сформированы в должной мере.

Цель исследования — провести сравнительный анализ коллизионных механизмов определения применимого права в обязательствах, вытекающих из причинения трансграничного вреда, выявить правовые пробелы в действующем регулировании и разработать научно обоснованные предложения по приведению законодательства Республики Узбекистан в соответствие с международными стандартами.

Задачи исследования: (1) определить правовую природу понятия трансграничного вреда и деликтного обязательства, вытекающего из его причинения; (2) провести сравнительный анализ основных принципов системы коллизионных норм — lex loci delicti commissi, lex loci damni и доктрины наиболее тесной связи; (3) выявить правовые пробелы в законодательстве Республики Узбекистан и разработать конкретные нормативные предложения.

Научная новизна состоит в том, что в данном исследовании впервые в контексте национальной правовой системы Узбекистана разработана концептуальная модель реформирования системы коллизионных норм об обязательствах из причинения трансграничного вреда на основе двухуровневого подхода (жёсткий основной критерий + гибкое исключение), а также сформулированы конкретные нормативные предложения по введению в законодательство подхода, ориентированного на защиту интересов потерпевшего (victim-oriented approach).

2. МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

В исследовании применялись следующие научные методы: (1) формально-юридический — при анализе действующих нормативно-правовых актов; (2) сравнительно-правовой — в целях сопоставления Регламента Рим II Европейского Союза, Минской конвенции СНГ и национальных коллизионных норм различных государств; (3) системный анализ — для отражения взаимосвязи коллизионных норм и

целостного представления их системы; (4) исторический метод — при изучении эволюции от дела Trail Smelter (1938–1941) до современного Регламента Рим II; (5) логический анализ — для проверки соответствия предложений правовой логике; (6) нормативно-правовой анализ — при определении содержания норм международных конвенций и национального законодательства.

3. ПОНЯТИЕ ТРАНСГРАНИЧНОГО ВРЕДА И ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ДЕЛИКТНОГО ОБЯЗАТЕЛЬСТВА

Понятие трансграничного вреда является относительно новым в международном праве, однако история его формирования восходит к промышленной революции XVIII века. В статье 2 Конвенции ООН 2001 года о предотвращении трансграничного вреда от опасных видов деятельности трансграничный вред определяется как вред, причинённый на территории иного государства, нежели государство происхождения вреда, либо в местах, находящихся под его юрисдикцией или контролем. Учёный-правовед Сюэ Ханьцинь уточняет это понятие, характеризуя его как экологический вред, возникающий в одном государстве и воздействующий на территорию другого, тогда как Виллиш рассматривает его более широко — как все виды вреда, причинённого территории другого государства в результате технологической деятельности.

Трансграничный вред характеризуется наличием четырёх существенных элементов в совокупности: во-первых, причинно-следственной связи между деятельностью и вредом; во-вторых, антропогенного фактора, то есть вред должен быть результатом деятельности человека, в отличие от стихийных бедствий; в-третьих, достаточной тяжести вреда, влекущей международно-правовую ответственность; в-четвёртых, выхода вреда за пределы территории одного государства и его распространения на другое государство или государства.

По своей правовой природе обязательство, вытекающее из причинения трансграничного вреда, является деликтным. Основанная на римско-правовом институте obligationes ex delicto, современная гражданско-правовая доктрина признаёт деликтное обязательство возникшим при одновременном наличии трёх необходимых элементов: противоправного действия или бездействия, причинения вреда и причинно-следственной связи. Статьи 985 и 999 Гражданского кодекса Республики Узбекистан закрепляют данную конструкцию в национальном законодательстве, устанавливая в том числе режим объективной ответственности за вред, причинённый деятельностью, представляющей повышенную опасность для окружающих.

Арбитражное дело Trail Smelter (США против Канады, 1938–1941 гг.) впервые закрепило в международном праве ответственность за трансграничный деликтный вред, провозгласив принцип: «ни одно государство не вправе использовать свою территорию или допускать её использование таким образом, чтобы причинять вред другому государству». Данный принцип — sic utere tuo ut alienum non laedas — признан нормой международного обычного права и впоследствии получил закрепление в

Принципе 21 Стокгольмской декларации 1972 года и Принципе 2 Рио-де-Жанейрской декларации 1992 года.

4. СИСТЕМА КОЛЛИЗИОННЫХ НОРМ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Определение применимого права в спорах о трансграничном вреде представляет собой одну из наиболее сложных проблем международного частного права, которая в современной доктрине решается на основе двухуровневого подхода: первый уровень — жёсткие коллизионные правила, основанные на конкретных территориальных привязках (lex loci delicti commissi и lex loci damni); второй уровень — гибкие механизмы, применяемые в случаях недостаточности указанных правил (принцип вездесущности и доктрина наиболее тесной связи).

Lex loci delicti commissi — право места совершения деликта — исторически является наиболее древней коллизионной привязкой, восходящей к римскому праву. Основное достоинство данного принципа состоит в обеспечении правовой определённости и предсказуемости: субъекты экономической деятельности, осведомлённые о правовых стандартах государства, в котором они осуществляют свою деятельность, способны заблаговременно оценивать возможные правовые последствия. В статье 1194 Гражданского кодекса Республики Узбекистан именно этот принцип закреплён в качестве основной коллизионной привязки: «права и обязанности по обязательствам, возникающим вследствие причинения вреда, определяются по праву страны, где имело место действие или иное обстоятельство, послужившее основанием для требования о возмещении вреда».

Вместе с тем принцип lex loci delicti commissi имеет существенное ограничение применительно к случаям трансграничного вреда: противоправное действие и его последствия нередко возникают на территории разных государств. Как показало дело Trail Smelter, когда промышленная деятельность в Канаде причинила вред на территории США, применение исключительно критерия «места совершения деяния» ставит потерпевшего в неравное положение: он вынужден обращаться в суд государства, в котором вред не наступил и которое нередко находится на значительном удалении.

В современном международном частном праве в качестве альтернативы принципу lex loci delicti commissi всё большее признание получает lex loci damni — право места наступления вреда. По мнению Сюэ Ханьцинь, применение права государства, на территории которого наступил вред, в полной мере соответствует как принципам охраны окружающей среды, так и принципам экологической справедливости. В пункте 1 статьи 4 Регламента (ЕС) № 864/2007 (Рим II) lex loci damni закреплён в качестве основного коллизионного правила: «правом, применимым к внедоговорным обязательствам из деликта, является право страны, в которой наступил вред». Статья 7 Регламента предоставляет потерпевшему право выбора при экологическом вреде: он вправе применить право страны наступления вреда (lex loci damni) либо право страны совершения противоправного деяния (lex loci actus).

Функциональное различие между принципами lex loci delicti commissi и lex loci damni отчётливо проявляется в их приоритетных целях. По характеристике Симеонидеса, первый является привязкой, «защищающей интересы причинителя вреда» и служащей стабильности экономической деятельности, тогда как второй — привязкой, «защищающей интересы потерпевшего» и ориентированной на социальную справедливость. В современном международном праве эти два принципа рассматриваются не как конкурирующие, а как взаимодополняющие механизмы.

Для решения проблемы, возникающей в случаях трансграничного вреда, когда источник вреда находится в одном государстве, а его последствия наступают в другом, в современном международном частном праве формируется принцип вездесущности (ubiquity). Ключевым прецедентом, впервые однозначно закрепившим данный принцип, стало решение Суда ЕС 1976 года по делу Bier v. Mines de Potasse d'Alsace: когда деятельность предприятия во Франции причинила вред в Нидерландах, Суд дал широкое толкование понятию «место, где произошло вредоносное событие», указав, что оно охватывает как место совершения причинного деяния, так и место наступления вреда. В результате истцу было предоставлено право выбора между двумя юрисдикциями.

В случаях, когда жёсткие территориальные привязки оказываются недостаточными — особенно в сложных трансграничных спорах, охватывающих несколько государств, — применяется принцип наиболее тесной связи (closest connection doctrine). В пункте 3 статьи 4 Регламента Рим II этот принцип закреплён в качестве исключительной нормы: «если из всех обстоятельств дела явно усматривается, что деликт явно более тесно связан с иной страной, нежели указанная в пунктах 1 или 2, применяется право этой иной страны». Данный гибкий механизм, основанный на фундаментальной идее Савиньи о наличии у каждого правоотношения своего «естественного центра», позволяет преодолевать ограничения жёстких географических критериев.

5. ПРАВОВЫЕ ПРОБЕЛЫ И НЕСООТВЕТСТВИЯ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ УЗБЕКИСТАНА

Статья 1194 Гражданского кодекса Республики Узбекистан основывает коллизионный порядок регулирования трансграничного вреда на классическом принципе lex loci delicti commissi. Данный подход теоретически обоснован, однако при сравнении с современными международными стандартами выявляется ряд существенных правовых пробелов.

Первый пробел — отсутствие права выбора на основе lex loci damni. Статья 7 Регламента Рим II предоставляет потерпевшему право избрать lex loci damni — право страны наступления экологического вреда. В национальном законодательстве аналогичный механизм альтернативного выбора не закреплён. Это обстоятельство приобретает особую значимость для Узбекистана: при экологическом вреде, наступающем на территории Узбекистана вследствие деятельности промышленных объектов, расположенных в соседних государствах (например, воздействие завода

ТАЛКО на экологию региона), гражданин-потерпевший может быть вынужден ссылаться на право иностранного государства.

Второй пробел — отсутствие нормы-исключения о «наиболее тесной связи». Статья 1194 закрепляет жёсткий критерий, лишая суд возможности применить гибкий подход в сложных трансграничных спорах. По мнению Чевычаловой, такая гибкость является необходимым условием учёта особенностей конкретного дела и достижения справедливого результата. Введение в национальное законодательство формулы, аналогичной пункту 3 статьи 4 Регламента Рим II — «явно более тесная связь с иным государством», — позволит урегулировать сложные многотерриториальные споры справедливым образом.

Третий пробел — отсутствие специального регулирования ответственности транснациональных корпораций. Дела Vedanta v. Lungowe (2019) и Pakootas v. Teck Cominco Metals Ltd. (2016) наглядно продемонстрировали, что при причинении трансграничного вреда иностранной корпорацией, осуществляющей деятельность на территории другого государства, вопросы юрисдикции суда и применимого права должны быть урегулированы с достаточной правовой определённостью. Специальные нормы по данному вопросу в законодательстве Узбекистана отсутствуют.

Четвёртый пробел — отсутствие специального порядка регулирования трансграничного вреда в цифровой среде. По замечанию Миллса, для кибератак, утечек данных и вреда, причинённого посредством онлайн-платформ, критерий «места совершения деяния» технически неприменим — необходимы новые коллизионные привязки. Действующая статья 1194 не учитывает реалий цифровой среды.

6. РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

На основе проведённого выше анализа применительно к коллизионным механизмам определения применимого права в обязательствах, вытекающих из причинения трансграничного вреда, можно сформулировать ряд важных научных выводов.

Во-первых, в современном международном частном праве опора на единственную коллизионную привязку недостаточна. Опыт Регламента Рим II свидетельствует о том, что эффективная система должна сочетать основной жёсткий критерий (lex loci delicti commissi или lex loci damni) с исключениями из него (право страны, где обе стороны имеют обычное место жительства; наиболее тесная связь). Эта двухуровневая модель обеспечивает тонкое равновесие между правовой определённостью и справедливостью.

Во-вторых, подход, ориентированный на защиту интересов потерпевшего (victim-oriented approach), при экологическом и техногенном трансграничном вреде стал устойчивой тенденцией в международном праве. Как показывает сравнительный анализ Симеонидеса, система, основанная на lex loci damni, обеспечивает более эффективную защиту прав потерпевшей стороны по сравнению с традиционным принципом lex loci delicti commissi. В соответствии с этой тенденцией обогащение национальных коллизионных норм механизмами, ориентированными на интересы потерпевшего, предстаёт как историческая необходимость.

В-третьих, принцип вездесущности, утвердившийся в международной практике, — согласно которому и источник вреда, и место наступления его последствий признаются самостоятельными основаниями юрисдикции, — не получил нормативного закрепления в коллизионных нормах Узбекистана. Данный подход, сформированный прецедентом по делу Bier, предоставляя потерпевшему право выбора удобной юрисдикции, одновременно признаёт правовую значимость обоих государств в контексте трансграничного спора.

В-четвёртых, развитие цифровой экономики и кибер技术 породило новые виды трансграничного вреда, при которых традиционные территориальные коллизионные привязки работают недостаточно эффективно. По оценке Миллса, такие критерии, как «место воздействия» (place of effect) или «место получения данных», представляют собой неизбежное направление развития современного международного частного права.

7. ЗАКЛЮЧЕНИЕ И РЕКОМЕНДАЦИИ

Проведённое сравнительно-правовое исследование свидетельствует о том, что в законодательстве Республики Узбекистан существует настоятельная необходимость совершенствования порядка определения применимого права в обязательствах, вытекающих из причинения трансграничного вреда. Статья 1194 Гражданского кодекса, составляющая основу национального коллизионного регулирования, по ряду аспектов отстаёт от международных стандартов.

Первая рекомендация: в статью 1194 необходимо ввести норму, предоставляющую потерпевшему право выбора применимого права на основе lex loci damni. В частности, включение положения следующего содержания: «при трансграничном экологическом или техногенном вреде потерпевшая сторона вправе вместо права страны совершения деяния избрать право страны, в которой наступили последствия вреда», — закрепит в национальном праве подход, ориентированный на защиту интересов потерпевшего, аналогичный статье 7 Регламента Рим II. Это приобретает особое значение в случаях экологического вреда, наступающего на территории Узбекистана вследствие промышленной деятельности в соседних государствах.

Вторая рекомендация: необходимо дополнить статью 1194 нормой-исключением о «наиболее тесной связи». Включение положения: «если из всех обстоятельств дела явно усматривается, что спор более тесно связан с иным государством, применяется право этого иного государства» — предоставит суду гибкий инструмент в сложных многотерриториальных трансграничных спорах. По мнению Чевычаловой, подобная гибкость является существенным условием учёта особенностей конкретного дела и достижения справедливого результата.

Третья рекомендация: Республике Узбекистан целесообразно присоединиться к Сингапурской конвенции о медиации. Данный шаг обеспечит возможность исполнения в иностранных государствах мировых соглашений, достигнутых в результате медиации по спорам о трансграничном вреде, и повысит практическую эффективность альтернативных способов урегулирования таких споров.

Четвёртая рекомендация: для трансграничного вреда в цифровой среде — кибератак, утечек данных, вреда, причинённого посредством онлайн-платформ, — необходима разработка специальных коллизионных норм. Материалы ЮНКЛИТРАЛ и Гаагской конференции по международному частному праву в сфере цифрового права могут служить методологической основой для этой работы.

Пятая рекомендация: в Центральноазиатском регионе, где споры, связанные с водными ресурсами, промышленным загрязнением и экологическим вредом, носят частый характер, целесообразно заключение специальных двусторонних или многосторонних соглашений с сопредельными государствами. Опыт Хельсинкской конвенции свидетельствует о том, что создание регионального нормативного порядка, устанавливающего стандарты предупреждения, оценки, ответственности и возмещения при трансграничном экологическом вреде, укрепит международный правовой авторитет Узбекистана.

В целом приведение национальных коллизионных норм в соответствие со стандартами Регламента Рим II, нормативное закрепление принципов lex loci damni и наиболее тесной связи, укрепление альтернативных механизмов урегулирования споров и развитие регионального сотрудничества позволят обеспечить более эффективную защиту прав потерпевших в спорах о трансграничном вреде и укрепить позиции Узбекистана в международном правовом сообществе.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

Нормативно-правовые акты:

1. Гражданский кодекс Республики Узбекистан (статьи 1194, 985, 999). — Т.: Адолат, 2023.
2. Regulation (EC) No 864/2007 of the European Parliament and of the Council on the law applicable to non-contractual obligations (Rome II). OJ L 199, 31.7.2007.
3. Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (Минск, 22 января 1993 г.).
4. ILC Draft Articles on Prevention of Transboundary Harm from Hazardous Activities, 2001. UN Doc. A/56/10.
5. Convention on the Protection and Use of Transboundary Watercourses and International Lakes (Helsinki, 1992).
6. Стокгольмская декларация по окружающей среде, Принцип 21, 1972; Рио-де-Жанейрская декларация по окружающей среде и развитию, Принцип 2, 1992.

Научная литература:

7. Xue Hanqin. Transboundary Damage in International Law. — Cambridge: Cambridge University Press, 2003. — 380 p.
8. Willisch J. State Responsibility for Technological Damage in International Law. — Berlin: Duncker & Humblot, 1987. — 290 p.
9. Grušić U. International Environmental Law in Private International Law. — Oxford: Oxford University Press, 2015. — 320 p.
10. Symeonides S.C. Choice of Law. — Oxford: Oxford University Press, 2016. — 850 p.

11. Mills A. The Confluence of Public and Private International Law. — Cambridge: CUP, 2009. — 370 p.
12. Bogdan M. Private International Law as Component of the Law of the Forum. — Leiden: Martinus Nijhoff, 2012. — 248 p.
13. Hartley T. International Commercial Litigation. 2nd ed. — Cambridge: CUP, 2015. — 750 p.
14. Chevychalova J. Cross-border Environmental Liability and the Doctrine of Closest Connection // Journal of Private International Law. — 2017. — Vol. 13. — № 2. — P. 415–438.
15. Хазраткулов Т.О. Обязательства из причинения трансграничного вреда // Научные исследования в области юридических наук. — Т., 2024. — С. 45–62.

Судебная практика:

16. Trail Smelter Arbitration (United States v. Canada), 3 RIAA 1905 (1938/1941).
17. Case C-21/76, Handelskwekerij G.J. Bier BV v. Mines de Potasse d'Alsace SA [1976] ECR 1735.
18. Vedanta Resources PLC v. Lungowe [2019] UKSC 20.
19. Pakootas v. Teck Cominco Metals Ltd., 9th Cir. (2016) No. 15-35228.
20. Milieudefensie et al. v. Royal Dutch Shell PLC, District Court of The Hague, 2021.
21. Spiliada Maritime Corp. v. Cansulex Ltd. [1987] AC 460 (HL).